

нина
СТОЖКОВА
женский детектив
**ЗЛО ВЧЕРАШНЕГО
ДНЯ**

Дружная семья уже
решила, что в доме
завелось привидение, но
случай положил предел
разгулу злых сил...

Нина Стожкова

Зло вчерашнего дня

«Центрполиграф»

2010

Стожкова Н.

Зло вчерашнего дня / Н. Стожкова — «Центрполиграф», 2010

Уютное спокойствие большого хлебосольного дома Викентия Модестовича было нарушено появлением новой подружки внука хозяина – зеленоглазой золотоволосой красавицы Серафимы. Мужчин она взбудоражила своей нежной красотой, женщинам напомнила их собственную солнечную юность. Всем домочадцам захотелось, чтобы эта жизнерадостная богиня осталась в их доме навсегда. Досадно только, что с этой поры на членов семьи посыпались несчастья. Первым пострадал Денис, зять Викентия Модестовича. Его автомобиль съехал в кювет и перевернулся. В крови потерпевшего были обнаружены следы снотворного, и это притом, что сном он обладал отменным и таблеток в руках не держал. А вскоре кто-то разлил подсолнечное масло на ступеньки, ведущие в подвал...

© Стожкова Н., 2010

© Центрполиграф, 2010

Нина Стожкова

Зло вчерашнего дня

– Итак, дождусь я наконец от вас достойного тоста или нет? – Викентий Модестович окинул суровым взором притихшую компанию и плеснул в бокал немного рубинового вина.

Домочадцы и гости с надеждой уставились друг на друга.

– Тьфу, ну и гадость, – пробормотал патриарх, отхлебнув тягучей красноватой жидкости, – всегда говорил, что «родное» грузинское не может стоить столько же, сколько подмосковные «чернила».

Викентий Модестович испепелил взглядом Василия – это он закупался с утра в дачном ларьке. Медленно выпростал грузное тело из плетеного кресла.

– Что ж, придется опять отдуваться самому. Как всегда в этом доме. Итак, внимание! – Оратор постучал ножом по хрустальному бокалу и посмотрел в сторону дочери и ее смешливой подружки.

Те, как всегда, увлеченно болтали на другом конце стола. Дамы испуганно притихли на полуслове, как пятиклассницы при появлении завуча.

– Я предлагаю выпить за нечаянную радость! – предложил Викентий Модестович густым баритоном в манере актера старой мхатовской школы. – Радость – субстанция нематериальная, не поддается ни логике, ни научным теориям. Разве что теории вероятности. Так вот, давайте, друзья мои, выпьем за то, чтобы вероятность стать счастливыми в этом мире стремилась у нас с вами к бесконечности!

Весьма довольный собой, патриарх опустил на место.

– Как тонко сказано! Почему никто не снимал? Где видеокамера? Катерина, куда ты опять пропала?! – подала голос подруга патриарха Валерия. – Викиша, тебе придется еще раз повторить свой блестящий, я настаиваю – блестящий тост! Друг мой, подними бокал, как кубок победителя, – потребовала самозваная режиссерша. – Гарик, снимай хоть ты скорее, черт побери!

Тут все заметили, что внучка патриарха Катерина, свернувшись калачиком, тихо спит в кресле после бурной вечеринки в ночном клубе.

– Как ты права, дорогая Валерия! В этом доме всех волнуют только сиюминутные буржуазные радости, – живо откликнулся Викентий Модестович, – здесь говорят о том, где купить семгу дешевле и остались ли горящие туры на Гоа. В моей семье никто никогда не понимал истинного значения вечности. А точнее – роль кинематографа и фотографий в создании летописи нашей семьи.

– Ну ладно, отец, не ворчи, задвинь спич еще раз, я снимаю! – благодушно объявил сын Викентия Модестовича Гарик, беря видеокамеру и незаметно подмигивая собравшимся.

Не успел Викентий Модестович произнести очередной цветистый тост, привычно глядя в объектив видеокамеры, как все повернули головы к дорожке и грянули дружное «ура!». Оратор тоже недовольно обернулся, но тут же сориентировался и продолжил:

– Слово материально, дамы и господа, мы с вами получили блестящую возможность в этом убедиться! Минуту назад я говорил о нечаянной радости. И Господь услышал мои слова. Извольте видеть: мой внук Стасик привез в наш дом очаровательную девушку.

– Знакомьтесь, это Серафима, – пробасил Стасик, горделиво скосив глаза на ослепительно юную спутницу.

– И шестикрылый серафим на перепутье нам явился, – с чувством продекламировал, глядя прямо в камеру, Викентий Модестович. И широким жестом представил гостью будущим зрителям домашнего видео.

Викентий Модестович неизменно требовал, чтобы все мало-мальски важные события в жизни семьи фиксировались для вечности. Обычно патриарх наговаривал в камеру текст «от автора» нарочито равнодушно, а тут вдруг воодушевился, в его голосе послышались наигранные актерские нотки. Голос автора будущего фильма слегка дрогнул, но это никому не показалось удивительным. Еще бы! Юная красавица могла украсить любую, даже самую рутинную семейную видеосъемку. Ни один киношник на свете, да что там киношник – ни один мужчина не смог бы остаться равнодушным к этой цветущей победительной красоте.

– Серафима, а где ваш брат херувим? – игриво поинтересовался Гарик. Он не сводил с девушки восторженных глаз. Гарик снимал Серафиму вдохновенно, окончательно позабыв про собственного отца, традиционно взвалившего на себя нелегкие обязанности тамады.

Серафима, нимало не смутившись, улыбнулась прямо в объектив видеокамеры, как загадочная и прекрасная героиня немого кино, потом обвела ясным взором домочадцев и улыбнулась еще раз – всем сразу и каждому в отдельности. В эту секунду солнце вышло из-за туч и осветило поляну перед домом. Каждому мужчине, сидевшему за столом, захотелось, чтобы удивительная солнечная девушка улыбалась только ему. И никому другому, черт возьми!

Викентий Модестович приосанился, провел рукой по усам и разгладил «гишпанскую» бородку с проседью. Гарик попытался поиграть мускулами, но получилось не очень, лишь округлое пузцо напряглось под растянутой футболкой. Василий, служивший в загородном доме сторожем и разнорабочим, поспешно и учтиво пододвинул госте стул. Однако та по-прежнему продолжала стоять, изящно пристроив прелестную ножку на камень. Гостя безмятежно шурилась на солнце, разглядывая всю честную компанию, наверное казавшуюся ей (за исключением ровесницы Катерины) сборищем скучных стариков и старух.

Она и вправду была хороша – эта юная, похожая на утонченных красавиц Боттичелли девушка. Каждый из мужчин подумал тогда с легкой досадой: и почему эта богиня досталась Стасику – обычному, приземленному, если не сказать простоватому парню – а не мне? Есть в этом какая-то высшая несправедливость...

Серафима принадлежала к исчезающему племени натуральных блондинок. Светлые, с золотистым отливом волосы водопадом мелких кудряшек струились на плечи. Зеленые кошачьи глаза сияли, радуясь всему сразу: чудесному дню, солнцу, роскошным цветам в саду, новым забавным людям. Они, эти огромные глаза, лукаво подметили, какое впечатление на сидевших за столом немолодых незнакомых людей производят ее юность, свежесть и красота. Красиво изогнутые пухлые губы рассеянно улыбались. Она отвела волосы с высокого лба, чтобы те не помешали публике разглядеть безупречный овал ее лица. Девушка медлила. Она не садилась за стол, милостиво позволяя присутствующим налюбоваться собой. Так королева не торопится во время ответственных церемоний, позволяя подданным восхищаться властительницей.

Молочно-бледные, совершенные, словно выточенные талантливым ваятелем руки, красиво переходящие в покатые плечи, безупречной формы длиннющие ноги (их почти полностью открывали посторонним взорам короткие шорты), маленькие, острые грудки под обтягивающей футболкой – все это выглядело не вульгарно, не вызывающе, скорее беззащитно и трогательно, как у девочки-подростка. Даже немолодые дамы, сидевшие за дачным столом и не менее придиристо, чем мужчины, разглядывавшие незнакомку, невольно залюбовались ею. Девушка была прекрасна и выглядела безмятежно счастливой – такой, какими они были давным-давно и уже не будут, наверное, никогда.

Стасик недовольно обвел глазами домочадцев, откровенно пялящихся на сокровище, по праву принадлежащее ему одному, и, обняв подружку за плечи, поспешил увести в дом.

– Куда вы? А обед? – запоздало крикнула вслед парочке Люся. Но Стасик не обратил на слова матери ни малейшего внимания. Юные влюбленные исчезли в полумраке передней, словно вышли из кадра. Съемка домашнего видео закончилась, потому что сюжет утратил смысл.

Появление незнакомки не внесло в давно сложившуюся компанию ни малейшей неловкости. Серафима будто жила здесь всегда. Даже вещи словно тянулись и стекались к ней изо всех углов дома и сада. Для девушки сразу нашлись в кладовке и хорошенькие пляжные тапочки, и нераспечатанная зубная щетка, и новенькое мохнатое полотенце, а у стола на лужайке – свободный стул. На столе сами собой появились лишние тарелка, рюмка и приборы. Только гостья поначалу все не шла на полянку. Словно специально томила их – так опытная оперная дива выдерживает публику перед выходом на сцену.

– Ой, как же я могла забыть, – с этими словами она наконец появилась на крыльце. – Какая же я растяпа! Я же пирог испекла!

И Серафима поставила на стол большую круглую форму для торта. Она сняла крышку, и все увидели на домашнем пироге надпись из ягод: «Викентию Модестовичу – ура!»

– Мне? – изумился патриарх. – А за что мне, старику, такая милость, ваше высочество?

– Ой, Стасик так много о вас рассказывал, – покраснела девушка, – он очень гордится дедом... и вообще... мне кажется, Стасик на вас очень похож.

– Что ж, тогда у меня созрел тост, – обрадовался патриарх. – За Золушек, пекущих торты. Такие девушки обречены становиться принцессами!

– И чтобы они правильно выбирали принцев, – многозначительно добавил Гарик. Он пристально, по-мужски, взглянул на девушку, потом, слегка презрительно, – на племянника и приосанился.

Серафима скромно сидела на краешке стула, лениво поклеывая Люсины вкусы и не вступая в спор старшего поколения. Она кожей чувствовала: центр внимания за столом сместился от Викентия Модестовича и Марианны Лаврентьевны в ее сторону. Это оказалось неожиданно приятно – даже приятнее, чем влюбленные взгляды Стасика и его неуклюжие попытки прижаться под столом огромной лапидарной к ее изящной ножке. Все домочадцы, как школьники, очарованные учительницей, стремились поймать взгляд лучистых зеленых глаз красавицы, вызвать ее улыбку, получить из хрупких бледных рук в награду хоть что-нибудь – пусть даже плетенку с хлебом или сахарницу. Так талантливая актриса, притягивая взгляды публики, заставляет зрителей смотреть только на нее, сколько бы других артистов ни толпилось на сцене. Вот и эта девушка, почувствовав власть над незнакомыми людьми, по-королевски – скромно и с достоинством – принимала от них знаки внимания и восхищения.

– Мам, а можно Серафима поживет немного у нас? – спросил Стасик, взглянув на мать такими глазами, с какими в детстве кланчил новый велосипед.

– Ну конечно, – сказала Люся, автоматически наводя порядок на столе, – и она тоже пусть поживет.

– Мам, что ты делаешь? – истошно завопила Катя. И тут все увидели: Люся рассеянно скормливает черному терьеру Тимоше пирог юной гостии. Пес, разумеется, не возражал и смотрел на хозяйку такими же глазами, какими Стасик минуту назад.

Люся вздрогнула, очнувшись от своих дум и решительно отобрала у пса остатки десерта.

Но через несколько минут зачем-то воткнула в него вилку из селедочницы. Катерина подскочила, убрала вилку на место и с укором посмотрела на мать, откровенно и эгоистично занятую своими мыслями.

– Мам, ну ты прям как тетя Ангелина! – возмутилась Катя. – Она в прошлый раз печенье в холодильник засунула. Хорошо хоть утюг туда не положила!

Ангелина ни капельки не обиделась. Молодежь всегда так прямолинейна! Может, это и к лучшему, а то ее поколению внушали: мол, неприлично указывать на чужие промахи. А что в итоге? Когда не в таком уже далеком будущем склероз начнет одолевать, никто из ровесников не скажет правду. Будут соблюдать правила хорошего тона...

Все чаще воскресные обеды в доме проходили без молодого хозяина Дениса Петровича. Съёмки на его киностудии нередко выпадали на выходные и праздничные дни, а обязанности продюсера требовали постоянного присутствия на площадке. Стасик и Катя шутили, что давно забыли, как выглядит отец. Зато его с успехом заменяла неистовая Марианна Лаврентьевна.

– Вот мы тут сидим, едим, зубоскалим, озабочены только своими мелкими делишками, – подала она зычный голос, – а мэр тем временем творит в нашем городе все, что хочет.

Столь неожиданный переход от сфер небесных к делам земным поверг гостей в легкий шок. За столом воцарилась неловкая тишина.

– А при чем тут мэр, тетя Марьяша? – наконец подала голос Ангелина. Она впервые назвала Марианну домашним именем, как называла когда-то в детстве, надеясь хоть таким нехитрым способом отвлечь старушку от политики.

– Он всегда, Линка, при том, – безапелляционно заявила Марианна Лаврентьевна и сурово сверкнула очками. В эту минуту она чем-то напомнила Лине «телекиллера», будоражившего умы столичных обывателей несколько лет назад. Тот тоже к месту и не к месту приплетал столичного градоначальника, обвиняя его во всех грехах – от захвата Батыем Рязани до казни Петром стрельцов на Красной площади.

За столом повисла неловкая пауза. Спорить о политике в этот чудесный летний день никому не хотелось. Дачники задвигали стульями, вспомнили про комаров, у которых в тенике была своя, легкая дневная трапеза, замахали веточками и застучали ладонями. Воспользовавшись заминкой, Ангелина извинилась, выбралась из-за стола и отправилась прогуляться по деревне. Ну да, пора, наконец, немного подвигаться, а то после обильных завтраков, обедов и чаепитий новые белые брюки точно не найдут. Или опять со всей остротой встанет вопрос: а позволено ли вообще брюкам размера XL быть белого цвета и к тому же иметь кокетливую длину семь восьмых?

Дом и участок Викентия Модестовича располагались не в закрытом коттеджном поселке, а в одной из деревень ближнего Подмосковья. Сельский пейзаж со следами обычного российского запустения, лес у горизонта, большие приусадебные участки со старыми раскидистыми яблонями относились к плюсам, а разбитая поселковая дорога и поросший бурьяном проход к речке – к явным минусам деревенской жизни. Впрочем, заброшенный колодец и старый почерневший мостик даже оживляли пейзаж. Можно было легко представить, что именно здесь писали свои великие полотна Поленов и Левитан.

Лина шла по деревне и вспоминала, что роскошная природа этих мест всегда с успехом врачевала ее сердечные раны. Расставание с бывшим мужем, отнявшее столько душевных сил. Бурный роман с глубоко женатым музыкантом, для которого она была лишь очередной, удачно найденной музыкальной темой. Было еще несколько эпизодов личной жизни, к счастью тоже оставшихся в воспоминаниях. Все они на фоне щедрой природы казались мелкими, глупыми и необязательными. Лишь в доме у Викентия Модестовича, где Лину принимали на правах близкого человека, она по-настоящему отдыхала душой. Обычно она останавливалась по выходным в маленькой мансарде. Там же развилась и окрепла ее страсть к сочинительству. В последнее время Лина привозила на дачу к подруге свой ноутбук и записывала наблюдения и мысли, которые казались ей оригинальными. Набрасывала сюжеты будущих рассказов, не надеясь особенно их где-нибудь напечатать. Написание недлинных текстов доставляло ей удовольствие, как всякое необязательное занятие. В другие дни на это не хватало времени. Лина руководила детской студией «Веселые утята» и работала в будни, а случалось, и в выходные с утра до позднего вечера. А здесь она словно проживала другую, параллельную, приятную и спокойную жизнь. Общалась с подругой детства Люсей, с ее домочадцами и домашними любимцами. Лина почти не тяготилась тем, что живет чужой жизнью, чужими заботами, радостями и отношениями, словно поставила на самой себе жирный крест. Только иногда, как минувшей ночью,

накатывала свинцовая тоска, но многоголосый храп обитателей особняка быстро усыплял и убаюкивал, порой смешил, а главное, отвлекал от грустных мыслей...

Не успела Лина отойти от дома, как рядом промчался выдавший виды жигуленок, щедро обдав ее жирной подмосковной грязью.

– Эй, шеф, нельзя ли аккуратнее! – крикнула Лина, с досадой разглядывая пятна на белых брюках.

Из окна выглянула небритая, довольно-таки неприветливая мужская физиономия. Мешки под глазами, всклокоченные волосы – вот он, деревенский поклонник Бахуса во всей красе. И как только наглости хватило в таком виде сесть за руль!

«Про таких-то субчиков и снимает передачу „Дорожный патруль“, – с досадой подумала Лина, – хорошо еще, что на этих колдобинах не разгонишься, а то сбил бы и не вздрогнул. Или удра бы, не оказав помощи».

– Безобразие! Облил грязью и даже не извинился! – продолжала она кипятиться.

– Облил грязью! Да я чуть в столб не врезался, когда вы из кустов выскочили! Гуляли бы лучше, мадам, по дорожкам барской усадьбы, зачем кидаться под мою раздолбанную машину? – набросился на нее водила. Его голос неожиданно показался Лине приятным – иногда встречаются и среди пьяниц такие «мужчинские мужчины» с отрицательным обаянием – вроде мужественных героев Бельмондо или Депардье.

«Да что это я! – очнулась Лина. – Сравнить это чудовище с brutальными французами! Да он, кроме футбола, по телику ничего не смотрит, а уж актеров французских точно не знает».

Вслух она сказала:

– Не очень-то вы вежливы с дамой.

– Отработай, дорогуша, как я, две смены, тогда будешь морали читать, – не унимался незнакомец, хамовато переходя на «ты».

«Да с кем это я тут спорю! С деревенским пьяницей! С маргиналом!» – опомнилась Лина.

Она резко развернулась посреди дороги и быстро пошла обратно.

«Зачем с алкашом связываться? Все равно что читать мораль девушке легкого поведения. Ну и ну! Вот и прогулялась... „Куда бежишь, тропинка милая, куда с собой меня зовешь?“ Да он по-своему прав, этот Спиноза! И впрямь лучше сидеть за высоким забором на даче у Викентия и не рыпаться. Там хоть никто не нахамит. А этому озлобленному гастарбайтеру только дай поскандалить, – подумала она с неприязнью. – Небось с похмелья еле пилит на своей разбитой тачке, хозяин опять с зарплатой кинул, трубы горят, подлечиться не на что, вот и хамит. Еще, чего доброго, подаст назад, выскочит из машины и огреет по темечку монтировкой».

Чувство самосохранения пересилило гнев. Да и жалко ей вдруг стало этого незадачливого «гостя Московской области». В любом случае ему хуже сейчас, чем ей. Лина, в душе презирая себя за интеллигентское добросердечие, резко остановилась, затем сделала несколько шагов обратно. А потом и вовсе широко, как в рекламе зубной пасты, улыбнулась и сказала как можно приветливей:

– Эй, господин! То есть товарищ! Натe, возьмите на поправку.

Она достала мятую сотню, которую случайно нащупала в кармане брюк, и как можно ласковее, стараясь не снимать с лица «американскую» улыбку, протянула купюру незнакомцу.

– Да вы, мадам, там у себя, в домике на горке, совсем от жизни оторвались, – неожиданно расхохотался мужчина, – за такую денежку нынче и сок-то не всякий купишь! Спросили бы у прислуги, если цен не знаете. Оставьте, мадам, вашу бумажку себе на шоколадку, а еще лучше – яблочек на станции купите, а то вы бледная какая-то. Гемоглобина, похоже, в крови мало. Это я вам как врач говорю.

Он резко газанул и, подняв столб пыли, покатыл по деревне.

Лина застыла посередине дороги, как в игре «замри». Она кипела от гнева. «Врач»! Еще бы сказал «профессор»! Врун и пьяница! Эти заезжие гастарбайтеры слишком многое себе позволяют! Сотни ему, видите ли, мало! Зажрался! «Бледная!» Зато глаза не красные, как у некоторых. Правильно в женских журналах пишут, приличных мужчин пора заносить в Красную книгу. Зато остальных – как бездомных собак в Москве. Стоит зазеваться, как такой «врач» привяжется. Все они, пока тут работают, мечтают поселиться у временной «женушки». Жить на всем готовом, а семье деньги посылать. Таких в каждой подмосковной деревне сейчас больше, чем местных жителей.

Лина едва не заплакала. И настроение, и белые брюки были безнадежно испорчены. Постояв секунду посреди дороги, она, словно очнувшись, повернула назад, в «барскую усадьбу». Пить чай с тортом, толстеть и утешаться. Не зря пишут, что сладкое для женщин – мощный антидепрессант. Вроде водки для мужчин... А может, потом стоит сесть за компьютер и описать эту встречу? Сочинительство обычно примиряет с жизненными неприятностями не хуже валерьянки. И Лина, развеселившись от этой мысли, прибавила шаг...

День прошел в необременительных дачных хлопотах. Серафима стремительно становилась в доме своей, к вечеру все дачники обращались к ней дружелюбно-насмешливо, словно она жила здесь всегда. Даже Викентий Модестович неожиданно для всех сократил по отношению к Серафиме дистанцию, которую обычно держал с малознакомыми людьми. И внезапно попросил толковую девушку помочь привести в порядок мемуары, которые писались патриархом уже не первый год. Вскоре Викентий и Серафима устроились в беседке работать над рукописью.

Ночь опускалась на землю по-летнему неторопливо, роскошно, словно в большом концертном зале медленно гасили свет. Солнце степенно, как Викентий Модестович в кресло, садилось за лес, над которым самолеты разрезали багровые облака. Люся и Лина оторвались от домашних дел, чтобы полюбоваться сельским пейзажем в багровых тонах.

– Если бы не аэропорт, мы бы здесь оглохли от тишины, – виновато улыбнулась Люся, словно лично разрешала взлет воздушным лайнерам в Домодедове. – Представляешь, по нашей улице вообще никто ночью не ездит и не ходит. Разве что бродячая собака залает за забором. А наши собственные мохнатые сторожа в ответ даже ухом не поведут. Более спокойную жизнь трудно себе представить. Особенно в наше время. Иногда я даже скучаю без городской суеты и прошу Дениса свозить меня в круглосуточный магазин. Или на концерт в Москву. Из-за его сумасшедшей работы успеваем лишь на концерты для полуночников. К счастью, у нас теперь есть и такие, в десять вечера начинаются. В общем, стараюсь окончательно не одичать здесь «на хutore» и не отвыкнуть от людей.

– Ну, скучать в такой большой семье – все равно что плакать в цирке, – заявила Ангелина. – Тут у тебя круглые сутки драмтеатр. – Она скосила глаза на Викентия Модестовича и Серафиму. – И балет. – Ангелина подняла голову.

На балконе второго этажа Катерина, упакованная в ярко-красные лосины и короткую майку, открывавшую плоский живот с колечком в пупке, делала серьезную гимнастическую разминку.

– И опера, – продолжала она. Из дома слышалось не очень трезвое, слегка фальшивое пение Гарика, Люсиного брата.

– Да, ты права. В этом доме сошлись все жанры. И я счастлива. Никогда не смогла бы жить, как ты, одна в городской квартире, – вздохнула Люся со счастливой улыбкой женщины, которая достигла всего, о чем мечтала. И Лина тоже вздохнула – о своей нескладной, но такой привычной, теплой и уютной, как любимая, хоть и поношенная, кофта, жизни, которую она ни за что не променяет на чужую, пусть даже самую красивую и комфортную.

«Никогда не пытайся прожить чужую жизнь – все равно не получится», – вспомнила она совет давнего приятеля, нынче проживающего свою на другом континенте, и невольная зависть к подруге исчезла, растаяла, как вечерняя дымка над рекой.

– Ладно, пошли пить чай, – потянула ее за руку Люся. – Там, на веранде, наверное, уже скучают отцовские «придворные дамы». Бедные Валерия и Марианна! История стара, как мир. Наш дачный донжуан бросил верных боевых подруг ради юной прелестницы. Живая иллюстрация к тому, что «все мужики сво...».

Подружки захихикали, поежились от вечерней прохлады и поспешили в дом – греться.

На веранде, выходящей огромными окнами в сад, расположились обе «фрейлины» Викентия Модестовича: Валерия и Марианна. Они пили чай, неодобрительно поглядывая в окно на своего ветреного приятеля. А тот, забыв о верных подружках, соловьем разливался перед юной красавицей. «Вакх и нимфа» уютно устроились в дачных креслах в беседке, не обращая внимания на саркастические взгляды. Безжалостное время, посеребрив патриарху усы и бороду, теперь, похоже, толкалось настойчивым бесом в ребро...

Люся и Лина присоединились к брошенным подружкам патриарха.

Валерия была энергичной дамой неопределенного возраста со стильной стрижкой а-ля «конкретный пацан». Сердечная подруга Викентия Модестовича кропотливо поддерживала культ патриарха в доме. В благородном деле восхищения Викентием Модестовичем с Валерией могла соперничать только подруга детства патриарха – Марианна Лаврентьевна. Дамы отлично дополняли друг друга. Валерия – кокетливая и подтянутая, фанатка диет, фитнеса и модных курортов, лет на десять моложе друга. Элегантная, хотя и слегка старомодно одетая Марианна Лаврентьевна была почти ровесницей «Викеша», которому, если смотреть правде в глаза, уже перевалило за семьдесят. Марианна не позволяла другу детства забыть о быстротекущем времени, они частенько предавались общим воспоминаниям и обсуждали запретные для Валерии темы – возраст, болезни и лекарства, вспоминали ушедших в мир иной друзей и родственников. Для душевного спокойствия и гармонии патриарх нуждался в обеих подругах и хандрил, когда какой-нибудь из них слишком долго не оказывалось рядом.

Марианна слыла в семье пламенным и бескомпромиссным борцом за справедливость. Обитатели домика на горке, как называли в поселке особняк Викентия Модестовича, шептались, что старушке пошли бы комиссарская кожанка и красная косынка, а особенно – «товарищ маузер». Она беспощадно клеймила и разоблачала на домашних посиделках зарвавшихся политиков и олигархов, придумывала им всевозможные кары. Благообразная с виду пенсионерка, будь это в ее власти, с удовольствием ввела бы в употребление гильотину. Темные глаза пожилой дамы частенько вспыхивали каким-то особенным демоническим блеском. Катерина уверяла, что они способны светиться в темноте.

– Ты, Марьяша, валькирия революции, – частенько поддевал ее патриарх. Все знали: если на дачу приедет Марианна Лаврентьевна, общий разговор неизбежно перетечет в опасное политическое русло.

Вот уж воистину – «короля играет свита»! В присутствии «придворных дам» никто из молодых не смел перебивать патриарха, все внимали ему с удвоенным почтением.

В этот раз на «девичнике» солировала Валерия. Она недавно вернулась из очередного заграничного путешествия и спешила похвастаться новыми впечатлениями.

– Представляете, в Шотландии почти в каждом уважающем себя замке имеется собственное привидение, – авторитетно объявила она. – А у тебя, Люсь, в доме все как-то слишком чисто, современно и правильно. Ни одного, даже самого плохонького привиденьца.

– Подождите, Валерия, – устало вздохнула Люся, – всему свое время. Мы ведь недавно построили дом. Даже запах краски до конца не выветрился. Да и многовато нас тут: покажите мне то терпеливое привидение, которое выдержит такую толкотню. Вот когда шумная моло-

дежь обзаведется семьями, уедет – глядь, какой-нибудь бездомный дух аэропорта возьмет и облюбует наш домик для житья. И будет иногда вылетать на прогулку через каминную трубу.

– Терпеть не могу досужие бабские разговоры ни о чем, – раздраженно вмешалась Марианна Лаврентьевна, – что за чушь вы тут несете, девушки: привидения, духи... Еще домовых и вампиров вспомнили бы! Надо было лучше в школе учиться, милые дамы! Мир существует по законам физики, нравится вам это или нет! На войне за умы я согласна даже погибнуть, – неожиданно тихо сказала Марианна и посмотрела на собеседниц с чувством превосходства. – Все эти экстрасенсы, телепаты и астрологи – мои личные враги. А те, кто верит в их бредни, извините, нуждаются в консультации психиатра. Впрочем, и попов я отношу к той же категории. Морочат народу голову с явной выгодой для себя.

– Господи, прости ее, ибо не ведает, что говорит! – прошептала Валерия и, незаметно перекрестившись, дотронулась до нательного крестика.

– А я не верю в привидения. Я просто знаю, что они существуют, и все тут! – решительно объявила Ангелина. – Сколько раз своими глазами видела призраков в богатых загородных домах. И солидных вампиров, и их молоденьких панночек...

– Вот-вот! И в городе – то же самое. – Катя закончила тренировку на лоджии и вприпрыжку вошла в столовую с полотенцем через плечо. – Как только одинокая девушка выйдет вечером прогуляться, ей обязательно встретится парочка надоедливых призраков.

– А мужчинам порой кружат голову юные виллисы, – тонко намекнула Валерия на знаменитую сцену из балета «Жизель». Все проследили за ее взглядом (Валерия по-прежнему смотрела в окно на Викентия и Серафиму) и невольно улыбнулись. Цветущая Серафима никак не походила на повелительницу царства теней.

– Кстати, а где наш Викентий Модестович? – нарочито равнодушно спросила Марианна.

Дамы пожали плечами и уставились друг на дружку. Хотя и та и другая давно поглядывали в сад, где полным ходом шел «семинар восхищения».

– Читает в саду Серафиме свои мемуары, – первой отозвалась Люся.

– А ведь еще с утра наш Викентий жаловался на ломоту в суставах и боль в позвоночнике. Смотрите, сейчас он сидит в одной футболке и не мерзнет, – недовольно проворчала Валерия, в очередной раз бросив гневный взгляд в окно. – А Серафима эта тоже хороша. Вечер уже, прохладно, сыро, а она все щебечет со стариком в беседке. Знает ведь, что Викентий человек немолодой и не очень здоровый. Жаль, очень жаль, что нашему Стасику досталась такая вертихвостка.

– Извини, Валерия, но твой кумир всегда был бабником, – не без тайного удовольствия напомнила Марианна. – Еще в школе менял девчонок, как модные тогда рубашки «бобочка» на шнуровке.

– Ну, в школе – понятно, – согласилась Валерия, – бунт молодых гормонов. Но сейчас... Сосуды, больные ноги, печень...

– Видите ли, Валерия Степановна, для этих дел печень – не самое главное, – объявила с молодой прямоотой Катерина. – Лишь бы другой орган работал.

– Катя, как тебе не стыдно! – ужаснулась Марианна. – Что ты такое говоришь! Да как у тебя язык...

– Так вы же, Марианна Лаврентьевна, сами – за науку! – удивилась Катерина. – А по науке непорочное зачатие абсолютно невозможно.

Марианна поджала губы и обиженно замолчала.

– Ладно, уговорили, пойду в сад, разгоню этот семинар на свежем воздухе, – заявила Люся. – Отцу и впрямь давно пора в тепло.

Викентий Модестович с видимой неохотой последовал за дочерью. Так заключенные бредут с прогулки обратно в камеру. Однако, взглянув в окно, Ангелина с изумлением заметила, что нынче «дед Викиша» идет по дорожке по-другому, чем прежде. Теперь он держал спину

непривычно прямо, да еще и поддерживал под худой локоток непрерывно щебечущую Серафиму.

– Чудны дела Твои, Господи, – пробормотала она, с опаской взглянув на Марианну, – прямо как в Библии: «Встань и иди!»

– Никакого чуда, обычный выброс в кровь мужского гормона тестостерона, – как на лекции, пояснила Марианна. Она, разумеется, тоже с интересом наблюдала сцену за окном, но выводы, как всегда, сделала сугубо материалистические.

– Вот дед дает! – восхитилась Катерина. – Настоящий фанфарон, ну прям как наши престарелые кинозвезды! Того гляди, родит кого-нибудь к восьмидесяти! Во прикольно будет!

Раздался звон посуды. Это Валерия, ожесточенно намывавшая тарелки, уронила одну из них на каменный пол.

Ночь упала на дом, как темный платок на клетку с птицами, чтобы всего через пару часов растаять, сбросить плотную ткань под натиском первых робких солнечных лучей. Хозяйка привычно распахала гостей по комнатам, разнесла им постельное белье, и на даче воцарилась хрупкая тишина.

Впрочем, абсолютной тишины в особняке не бывало никогда. Ночной дом жил, дышал, звучал со скрипом и присвистом, словно старая рассохшаяся фисгармония.

Наверху мощно и сильно, как самая большая труба органа, храпел хозяин – Викентий Модестович. Его могучий львиный рык вырывался за стены дома и разносился далеко вокруг, словно во дворе остановился бродячий зверинец. В соседней комнате, нагрузившись пивом и впечатлениями от футбольного матча, одиноко храпел сорокалетний разведенный Гарик, сын патриарха.

В пристройке спали в обнимку юные любовники – внук хозяина Стасик и его девушка Серафима. Молодое посапывание Стасика попадало в терцию с храпом его старших родственников. Казалось, что в ночной тишине играл маленький, но слаженный духовой оркестр.

Возле супружеского ложа дочери патриарха Люси и ее мужа Дениса спал на коврике роскошный черный терьер Тимоша. Он храпел так же громко, как и сторож Василий, нагрузившийся пивом. Даже пожилой кот Мурзик громко и ритмично посапывал в своей корзинке, перебирая во сне лапами, словно продолжал преследовать мышь в сарае. Внучка патриарха Катерина под впечатлением дневных встреч и событий негромко разговаривала во сне, переворачивалась с боку на бок на скрипящей девичьей кровати. Да и гости, приехавшие на выходные, вносили свою лепту в дачную «Маленькую ночную серенаду».

Только Ангелине не спалось. Она вспоминала нескладную жизнь, прежний дом, столько лет стоявший на этом месте, маму, которой давно не было на свете. Мама так любила приезжать сюда, в маленький летний домик, стоявший прежде на месте трехэтажного особняка. Обожала спускаться на закате к речке, спорить в саду с Марианной и Викентием, есть смородину прямо с куста, стоя ранним утром по колено в росистой траве.

«Интересно, а там, где душа ее упокоилась... бывают ли в тех краях такие красивые рассветы и такие тихие прохладные вечера?» – вдруг подумала Ангелина и расплакалась.

Внезапно темноту взорвал истошный крик.

Ангелина, как была, в ночной рубашке, выскочила из комнаты. Нажала на выключатель. Свет ударил по глазам, только через несколько секунд она заметила чью-то тень. Женщина сбежала по ступенькам, едва не скатилась кубарем до первого этажа.

На площадке возле лестницы испуганно жалась к стенке всклокоченная Марианна Лаврентьевна. Пожилая дама была в трогательной байковой пижаме – розовой, с алыми слониками – и в пушистых тапочках с хищными мордами зайчиков.

– Я видела его, – с трудом проговорила она.

– Кого «его»? – оторопела Ангелина.

– Призрак! – прошептала старушка.

– Вы же в них не верите, – не удержалась Лина от ехидства.

– Но он был так... так похож на привидение! – не очень уверенно оправдывалась Марианна, потихоньку приходя в себя. – Какой-то такой... полупрозрачный. Просто молчал и задумчиво стоял в дверном проеме!

– А как он выглядел? – продолжала Ангелина расследование.

«Вот уж глупости, наверняка этот „кто-то“ вполне земной, из плоти и крови», – подумала она и окончательно решила докопаться до истины.

– Ну, такой длинный и тощий, – неохотно вспоминала Марианна. – Постоял и исчез, словно растворился в темноте. Или растаял в воздухе.

– Длинный, тощий, полупрозрачный... Так это же Денис! Мы его еще в школе «каланчой» дразнили, – сообразила Ангелина. – Его многие пугаются, потому что почти забыли, как он выглядит. Нет, это точно он! Наш доблестный трудяга Дэн, кормилец Люси и всей семьи. Ну, сторает человек на работе. Бизнес плюс повышенное чувство ответственности. А все ворчат и ждут от него только денег. Обычное дело.

– Ну, нет! Никому не позволю делать из меня сумасшедшую! Тем более тебе, Линка! – завопила Марианна. – У тебя в школе вообще была тройка по физике. Что я, Дениса не знаю? А этот тип буквально растаял в воздухе...

– Растаял? Ну-ну, – развеселилась Ангелина. – Наверное, просто накинул черную куртку и вышел через подвал.

– Через какой подвал? – не поверила Марианна.

– А разве вы не знали: Денис недавно сделал отдельный выход из дома через подвал, – удивилась Лина. – Давно пора! Люся раньше с таким трудом спускалась туда по крутой лестнице.

– Ну, знаешь, эти твои вечные фантазии, – не выдержала Марианна. – С детства любила выдумывать небывлицы. Неудивительно, что по ночам здесь не спишь, пишешь на компьютере всякую чушь.

– Чушь? – возмутилась Лина. – Вы что, залезали в мой ноутбук? Да кто вам разрешил! Он же так и называется: «пер-со-наль-ный компьютер!»

– Очень надо время на глупости тратить, – пожала плечами старушка. Я и так знаю: кроме дешевой беллетристики, ты ничего накропать не способна. А подобную чушь я не читаю.

– Дамы, какого черта вы не спите в два часа ночи? А потом будете сплетничать, что позабыли, как я выгляжу, – вдруг раздался рядом ворчливый басок. – Еще бы! У меня, в отличие от вас, день начинается в семь утра и заканчивается за полночь.

И перед собеседницами явился муж Люси Денис. Он и вправду был в черной куртке. Раздраженный, как обычно, из-за вечного недосыпа, финансовых проблем и переутомления. Выглядел он, признаться, не очень: синяки под глазами, всклокоченные темные волосы с легкой проседью.

Ангелина застеснялась ночной рубашки, сорвала с вешалки чей-то, первый попавшийся под руку, плащ, накинула его на плечи. Из кармана выкатился и запрыгал по ступенькам, ведущим в подвал, какой-то то ли флакон, то ли пузырек. Лина пожала плечами, догнала «беглеца» и сунула обратно. А заодно подумала: «Ну и плащ – здоровущий какой! Наверное, Олесин. У нее одной в этом доме такие пышные формы... Наверное, видок у меня еще тот! Пора восво-яси сматываться».

– Денис, так это и вправду были вы? – продолжала не верить своим глазам Марианна. – А куда же вы исчезли несколько минут назад?

– В подвал, – неохотно признался Денис. – Разбирал деловые бумаги, чтобы никому не мешать. Готовил пакет документов к завтрашним переговорам. А что? Нельзя?

– Главное, что все объяснилось, слава тебе господи, а то ваше исчезновение едва не поколебало мое материалистическое мировоззрение, – обрадовалась пожилая дама.

– Странно слышать из ваших уст, Марианна Лаврентьевна, благодарность Богу, – ухмыльнулась Ангелина.

– Ну, это я так, Лин, к слову, – смутилась Марианна. – Ты же знаешь, я верю только в науку и в здравый смысл.

– Золотые слова, – одобрил Денис, сладко зевая и потягиваясь. – Здравый смысл как раз подсказывает привидению, что ему пора спать. Я как падаю на подушку – так сразу отрубаясь. Бессонница – болезнь бездельников. Спокойной ночи, дамы!

Раскланявшись, все трое разошлись по комнатам, и в домике на горке наконец воцарилась хрупкая тишина.

Утром Лина проснулась необычно рано. Свежий воздух был чистым и прозрачным, как ее ночной сон о маме. Во сне мама уплывала в море, в котором плескались лучи солнца, все дальше и дальше к горизонту, как она любила в молодости, пока, наконец, совсем не скрылась из вида.

Ангелина вышла в сад и застыла, пораженная красотой пробуждавшегося дня. Возле дома горели на солнце всеми оттенками желтого и оранжевого настурции, дальше, на клумбе, радовали глаз переливами сиреневого и лилового гигантские петунии, а в глубине сада, страстно и безответно обнимая холодную стену гаража, сверкала росинками алая плетистая роза.

«Как все хорошо и правильно устроено в природе! – подумала Лина. – Утро тихое, как в детстве, в мире разлиты тишина и покой, все вокруг замерло в ожидании роскошного жаркого дня. Здесь, на природе, забываешь, что рядом, в шумном огромном городе, все не так ясно и безоблачно. Всего в тридцати километрах отсюда жизнь полна суеты, стрессов и подлинных, а не выдуманных Валерией опасностей...»

Лина не единственная в доме поднялась рано. У калитки раздался радостный лай, и на участок вбежал довольный, мокрый от росы Тимоша. За псом на поводке тащился Денис, казалось еще больше отощавший за ночь. Щеки и глаза хозяина ввалились, футболка на нем трепыхалась от ветра, как флаг на здании сельской администрации.

– Лин, доброе утро! – обрадовался встрече Денис. – Утро-то и впрямь какое! Петь хочется!

– Вот-вот, «проснись и пой»! – обрадовалась Лина. – Может, ты хоть в честь воскресенья дома останешься? На дальнюю речку нас с Люськой свозишь, в лес за грибами сходим...

– Не получится, – помрачнел Денис. – Надо, понимаешь, опять на работу. С бумагами разобраться, договора еще раз прочитать, то-сё...

– Ладно, «то-сё», иди в душ, а я тебе пока кофе сварю, – проворчала Лина, – Люся и Олеся, наверное, еще спят.

Пышнотелая красавица украинка Олеся, помогавшая Люсе по хозяйству, пару лет назад приехала с мужем Василием из Приднестровья в Москву на заработки и «по цепочке» рекомендаций и звонков попала в дом Викентия Модестовича. Василий тоже устроился в этот дом сторожем. Еще он ухаживал за садом и делал небольшой ремонт, который постоянно требуется в любом загородном доме. Когда семейная пара поселилась в пристройке, Люся вздохнула с облегчением. Многолетнему домашнему рабству пришел конец. Большая семья, дом и сад прежде без остатка забирали все время – так жестокие подростки отбирают деньги у первоклашки. Зато теперь Люся почувствовала себя почти бизнес-леди, точнее – топ-менеджером собственной семьи. И хотя многое по-прежнему делала сама, не решаясь передоверить помощникам, ночью уже не падала на кровать без сил. Даже стала находить время для рукоделия. И все потому, что с домработницей Людмиле Викентьевне повезло. Лучшую помощницу, чем Олеся, и представить себе было невозможно. Цветущая брюнетка была без преувеличения

«академиком домашних наук». Прекрасно готовила, экономно вела хозяйство, быстро и толково наводила порядок в доме. А еще разбиралась в садово-огородных делах не хуже любого агронома. Словом, вскоре Олеся стала незаменимой помощницей Люси во всех хозяйственных делах. Единственным минусом была ее невероятная болтливость. На каждый случай из жизни у Олеси была заготовлена собственная история, как у бравого солдата Швейка. До Люси она успела поработать во многих богатых домах и разбиралась в жизни столичного бомонда не хуже репортера светской хроники.

– А вот еще был случай год назад... Меня тогда нанимал в домработницы... Ни за что не поверите кто: один известный трансвестит, прости господи, – затевала Олеся очередной «сенсационный» рассказ. Обитатели дома давно знали байки Олеси наизусть и норовили улизнуть под благовидным предлогом.

Семейная пара давно чувствовала себя в доме не прислугой, а кем-то вроде дальних провинциальных родственников. Обычно Олеся вставала раньше всех, но нынешним утром лукавый бог сновидений Морфей, предусмотрительно усыпив мужа, долго не выпускал ее пышное тело из своих сладких объятий.

Зато в доме пробудилась другая ранняя пташка.

Серафима стояла на освещенном солнцем крыльце, утренние лучи просвечивали сквозь ее легкий белый сарафан, обрисовывая прелестную фигурку, а роскошные волосы отливали золотыми бликами. Девушка широко и счастливо улыбалась сразу всем: Денису, Лине, радостно тявкнувшему при ее появлении Тимоше, новому ясному дню.

– Не беспокойтесь, Ангелина Викторовна, – прощепетала она Лине с крыльца. – В столовой я уже накрыла к завтраку, а кофе Денису Петровичу сварю чуть позже, чтобы не остыл. Денис Петрович скоро уедет, и тогда мы с вами, тетя Лина, не спеша, со вкусом позавтракаем. Угу? – по-детски обезоруживающе улыбнулась Сима. – Как насчет манной каши с малиной? Только что собрала кружку ягод к завтраку. Или, может, предпочитаете оладьи из кабачков?

«Вот это да! Такая молодая – и уже отличная хозяйка, – умилилась Лина, – повезло же оболтусу Стасику».

– Таким парням, как наш Стасик, всегда достаются самые лучшие девушки, – с легкой досадой пробормотал Денис, словно подслушав мысли Ангелины, и отправился в дом. А Лина задержалась на пороге, чтобы еще минутку полюбоваться юным радостным существом, так гармонично вписавшимся в этот светлый утренний мир, пока еще не замутненный проблемами и хозяйственными хлопотами.

«Картина „Весна“ Боттичелли», – подумала она и, стесняясь глупых сентиментальных слез, подступивших к глазам, развернулась, чтобы пощипать красной смородины прямо с куста.

Однако вскоре выяснилось, что не одна Лина любовалась юностью и красотой девушки.

– Прости, небесное создание, что я нарушил твой покой. – Красивый баритон разлился с балкона, влетаясь в гармонию раннего утра. Это Викентий Модестович вторил «Пиковой даме», доносившейся из его комнаты. Он надеялся, что «небесное создание» наконец поднимет прекрасные очи и улыбнется и ему. Но Серафима, эта легкая юная ласточка, не обращала никакого внимания на пожилого соловья. Она стояла, слегка подняв руки, словно хотела обнять всех сразу: утро, солнце, Лину и весь мир вокруг.

Ангелина, напротив, задрала голову и удивленно спросила:

– А вас, дорогой Викентий Модестович, что заставило пробудиться в столь ранний час?

– Работа, Линочка, работа. Нас с Серафимой ждет новая глава мемуаров. Вечером мы так мало успели. Из-за этих наших ошипанных куриц. Расквохтались: «Ах, твой ревматизм, ох, твой радикулит...» Тьфу!

– Конечно, поработаем, дорогой Викентий Модестович. Только чуть позже, после завтрака, – уточнила Серафима ангельским голоском. Она наконец подняла прекрасные зеленые глаза к балкону и звонко рассмеялась. Наверху, опираясь о перила, словно какой-нибудь граф

или барон на старинной картине, возвышался патриарх. Викентий Модестович встретился с девушкой глазами и приосанился.

– Давай поторопимся, – попросил он Серафиму, – нам сегодня предстоит отредактировать целых две главы.

– А вам, Викентий Модестович, нельзя нарушать режим питания. Сами знаете, не маленький, – строго напомнила Серафима. – Я вот только Дениса Петровича накормлю, он, как всегда, на службу торопится, а потом и вы с Ангелиной Викторовной подтягивайтесь в кухню. Признаться, я и сама проголодалась. От здешнего воздуха такой аппетит, нет – аппетитаще разыгрался! Кажется, проглотила бы весь этот сад, лес и речкой запила. Ой, у меня мобильник звонит!

Серафима, взмахнув белоснежным подолом сарафана, как бабочка крылышками, упорхнула в дом.

Викентий нежно улыбнулся девушке. Такие свежесть и восторг исходили от этого юного прекрасного создания – хоть на обложку журнала «Здоровье» помещай ее портрет...

«Да, кстати, надо бы поснимать Симу. Похоже, камера ее любит...» – подумал он с азартом фотографа-любителя и сделал запись в планах на день, которые набрасывал всегда, независимо от времени года и дня недели.

– Вы, Викентий Модестович, совсем забросили прежних дам, – не без ехидства напомнила Лина патриарху, – еще бы: у вас теперь новое увлечение...

– У нас работа, – строго одернул Викентий. – А ты мала еще мне указывать. – Он едва сдержался, чтобы не сказать «соплюшка», как когда-то в детстве.

Лина вспомнила, что впервые увидела патриарха, когда училась в первом классе, и не сдержала улыбки. Пока жив Викентий Модестович, она будет чувствовать себя вечной «соплюшкой». Причем с удовольствием.

Викентий и Лина все еще продолжали необременительную утреннюю пикировку, когда из дома вышел довольный Денис. Он сиял так, словно его накормили не домашним завтраком на скорую руку, а королевским обедом в Виндзорском замке.

– Хорошо, что в доме появилась молодая хозяйка, теперь Люсе, да и Олеся полегче будет, – крикнул он с порога и, потрепав Тимошу по холке, отправился пружинистой походкой к своему бумеру.

Едва машина Дениса скрылась из вида, Викентий Модестович и Лина, словно детишки в летнем лагере отдыха, послушно потянулись в столовую.

Стол был изящно сервирован к завтраку. Нет, сервирован – слишком слабо сказано. Стол словно сошел со страниц глянцевого журнала по дизайну. Букет мраморно-белых, только что срезанных колокольчиков красовался на кремовой скатерти посреди светло-бежевой посуды, обнаруженной Серафимой в серванте. Со второго этажа по-прежнему доносились тревожно-прекрасные звуки «Пиковой дамы»: Викентий Модестович включал музыку в комнате по своему настроению – независимо от распорядка дня и желания других домочадцев. Однако обитатели дома не спешили просыпаться. Решив никого не будить, они уселись завтракать втроем: Викентий, Ангелина и Серафима. Лина внезапно подумала: давненько Викентий Модестович не ел с таким аппетитом. В последнее время старик все чаще капризничал, брезгливо заглядывал в тарелку, требовал себе чего-нибудь особенного, вкусенького, мучил придирками домработницу. А тут уплетал обычную манную кашу за обе щеки, словно подросток после спортивной тренировки.

«Чудеса!» – привычно изумилась она, подкладывая в кашу свежую малину. Раннее летнее утро вновь показалось ей прекрасным.

Серафима поставила белый кофейник на поднос и плавно направилась к ним, словно сошла с картины Лиотара «Шоколадница». Девушка в белом сарафане, с молочно-белой кожей,

свежая, как летнее утро, подавала им кофе. От этой будничной дачной сценки на душе стало особенно тепло и спокойно. Лина решила, что уже ничто не сможет испортить очарование этого утра. Главное, сохранить в душе, не расплескать, как воду из целебного источника, редкое ощущение покоя и радости до самого воскресного вечера. До новой, суетной и напряженной московской жизни.

Вскоре дом окончательно проснулся, ожил, начал дышать, расправлять занемевшие за ночь части большого каменного тела, заговорил на разные голоса.

В кухню торопливо вошла заспанная Олеся, пытаясь изобразить запоздалое усердие. Потом появилась Люся, растрепанная, слегка растерянная из-за того, что кто-то встал в доме раньше ее. А вскоре ее великовозрастный братец Гарик, сонно потягиваясь и почесываясь, заглянул на кухню и с удовольствием втянул носом воздух, пропитавшийся ароматами домашнего завтрака.

– Ага, в кои-то веки в нашем доме запахло вкусненьким! – заявил он, явно дразня Олесю. И, подмигнув Серафиме, игриво объявил: – Так-так, эксплуатируем детский труд, господу домохозяды?

– Напротив, Серафима сама любезно вызвалась за нами ухаживать, – гордо объявил Викентий Модестович. Всем своим надменным видом он дал понять, что «за нами» сказано только из вежливости. Мол, на самом деле Серафима кормит только его, а остальные – просто примазавшиеся.

– А где же Стасик? – по-матерински ревниво поинтересовалась Люся.

– Спит, наверное, – легкомысленно пожала плечами девушка. – Он же типичная сова.

– Эй, кто тут сова? – раздался у дверей молодой басок. И в кухню ворвался Стасик с букетиком земляники в руках. Он протянул Серафиме ягоды и просиял: – Это тебе. Собрал после утренней пробежки.

– Угости маму, – дипломатично предложила Серафима.

– Знаешь, если в этом доме всех угощать, и килограмма не хватит, а эти ягоды я для тебя собирал. Между прочим, встал чуть свет, пол-леса обегал, ягодную полянку искал, – слегка обиделся Стасик.

Серафима потрепала его по голове, как маленького, и, очаровательно улыбнувшись, принялась срывать пухлыми, почти детскими губами сочные ягоды. Она ела медленно, старалась, чтобы капли красного сока не попали на белоснежный сарафан. Внезапно девушка почувствовала на себе восхищенные взгляды всех, кто собрался в кухне. Она прошла по комнате волнующей походкой молодой Софи Лорен, облокотилась о край стола, медленно обвела внимательным взглядом собравшихся. И вновь подарила каждому свою особенную улыбку. Все в ответ заулыбались. Похоже, девушка со вкусом и удовольствием пользовалась властью, какую дают молодость и красота. И между прочим, правильно делала: срок действия этого оружия до обидного краток...

– Викентий Модестович, – обернулась Серафима к главе семьи, патриарх невольно приосанился. – По-моему, мы с вами уже позавтракали. Так что не будем тянуть время. Нас ждет большая работа, многие главы еще сырые. Идемте же скорее в сад!

Викентий Модестович с готовностью вскочил с места и, выпрямив спину, послушно засеменил за Серафимой.

Викентий Модестович с юности увлекался фотографией и был типичным «фоточайником»-энтузиастом. Домашние давно выучили жемчужины его фототеки наизусть и все чаще старались увильнуть от просмотра семейных альбомов. Зато в Серафиме патриарх нашел благодарного зрителя и слушателя. Девушка с удовольствием изучала все ответвления раскидистого семейного древа, с интересом рассматривала черно-белые детские снимки Люси и

Гарика, фотографии покойной жены Викентия Модестовича середины прошлого века и не уставала делать комплименты фотографу. Ракурс, композиция, свет – все вызывало бурное восхищение.

– Похоже, скоро дед даст Серафиме почитать мемуары, – шепнула Люся Ангелине в саду. – Она стремительно вошла, нет – вбежала! – к нему в доверие. Между прочим, подобная честь выпадает не каждому в этом доме.

– Умная, похоже, у Стасика девушка, – задумчиво отозвалась Ангелина, собирая черную смородину в большую плетеную корзинку. – Сима начала завоевание семьи с самого законного родственника. Найти ключик к патриарху – это не с Гариком пококотничать и не с Катюшкой похихикать. Тут и кротость, и ум, и умение слушать и восхищаться, да вообще много чего нужно. Да, Люсь, повезло тебе с будущей невесткой. Девочка не так проста, как кажется.

– Я же говорила тебе, что на эти темы давно не замораживаюсь. – Люся съела самую крупную ягоду и, вытерев тыльной стороной ладони губы, устало провела рукой по лбу. На коже остались темно-красные полосы. Господи, как похоже на кровь... Лина вздрогнула и, достав платок, вытерла подруге лоб.

– У Стасика девушки меняются, как... как цветы на моих клумбах. Интересно, сколько эта красавица выдержит? – словно размышляя вслух, спросила Люся.

– Серафима так же похожа на его прежних подружек, как твоя любимая шоколадная лилия вон на тот лопух у сарая, – возразила Лина. И добавила: – Стасик будет полным идиотом, если упустит такую девушку.

– Не упустит, – вздохнула Люся. – Сама уйдет. Стасик тот еще фрукт...

– Думаю, теперь он резко поумнеет. – Лина невольно улыбнулась тому, что увидела.

Из дома появилась Серафима с пластмассовым креслом в руках, за ней величаво следовал патриарх с пухлой синей папкой под мышкой.

– А вы не могли бы еще раз прочитать ту главу, в которой пишете об отношениях поколений? – попросила Серафима патриарха. – Там столько мудрых, оригинальных мыслей о воспитании и о детях.

– О каких еще детях? – недовольно спросил Викентий Модестович. Он никогда не страдал особым чадолюбием.

– Что значит – о каких? – оторопела Серафима. – О ваших. О Людмиле Викентьевне. Об Игоре Викентьевиче.

– А, ну да, ну да... – нехотя согласился патриарх. Он-то надеялся зачитать юной восторженной слушательнице совсем другое место из мемуаров. Тайно мечтал блеснуть оригинальными мыслями и философскими парадоксами. Но пришлось подчиниться.

– Ну хорошо, слушай. Хотя это не самое сильное место в рукописи. «В тот год Люська отчаянно мечтала о собаке. Она постоянно таскала на веревке старый носок, укладывала его спать, гладила, заставляла „служить“, брала на прогулку. И мы с матерью сдались. Так в нашем доме появился крошечный щенок эрдельтерьера – всеобщая любимица Дэзи. Никогда прежде я не поверил бы, что собака может стать полноправным членом семьи».

– Как повезло Людмиле Викентьевне, – вздохнула Серафима. – Я тоже всегда мечтала о собаке, но мама даже мысли такой не допускала. А теперь, пожалуйста, прочтите то место, где вы пишете про Гарика и его велосипед.

Патриарх расцвел от похвалы, покорно нашел в рукописи нужное место и начал читать ровным глуховатым голосом:

– «Однажды Гарик упросил меня купить велосипед. Это был „Орленок“, предел тогдашних мечтаний школьников. Сын назвал его „Орлик“, поставил в детской возле своей кровати, а ночью мы слышали ужасный грохот. Велосипед свалился на пол и разбудил весь дом,

когда Гарик отправился по малой нужде. Пришлось выселить двухколесного друга из комнаты, невзирая на слезы сына».

– Как точно вы передали детскую психологию! У вас, безусловно, яркий писательский дар, – польстила Серафима. – Так и представляешь себе маленького Игоря Викентьевича, спящего чуть ли не в обнимку с огромным велосипедом... А у моей мамы вечно не хватало денег на самое необходимое, не то что на велик, – тихо, словно через силу, призналась она.

И Викентий Модестович, внезапно ощутив классовую неловкость, поспешил перевести разговор на другую, отвлеченную тему. Вскоре Серафима уже хохотала как сумасшедшая, слушая изрядно пронафталиненные семейные истории в пересказе наблюдательного, язвительного мемуариста.

Со вчерашнего дня, а точнее, с появлением в доме Серафимы Викентий Модестович и вправду словно помолодел лет на двадцать. Из шкафа были извлечены английский вельветовый пиджак шоколадного цвета и парадные бежевые брюки, а клетчатый плед, которым он прежде укутывал ноги, поспешно задвинули в самый дальний угол. Французская туалетная вода, несколько лет пылившаяся в серванте, внезапно поселилась на полочке в ванной. Нет, разумеется, Викентий Модестович был человеком здравого ума и не допускал даже мысли о том, что может увести у молодого симпатичного внука юную красавицу. И все же... Разговаривать с очаровательными девушками не считалось предосудительным даже во времена инквизиции. Тем более если красавица оказалась не глупа и сама записалась в собеседницы. Вот и отлично! В кои-то веки среди равнодушных и, скажем прямо, недалеких домочадцев появилась внимательная слушательница. Валерии и Марианне вечно некогда, у них полно дел в городе, а Серафима, кажется, поселилась в доме надолго и не прочь помочь уставшему от жизни творцу привести в порядок его записи...

Серафима и вправду охотно болтала с «дедом Викешей», подробно расспрашивая его о семье, о детях – Люсе и Гарике, сочувственно выслушивала жалобы на бестолкового сторожа Василия и его шумную жену Олесю. У той вечно случались какие-нибудь необыкновенные истории, разраставшиеся в ее изложении в длинные устные новеллы. Причем Олеся всегда завершала рассказ не шибко оригинальной моралью. А истории были достойны криминальной хроники. То ее прямо на деревенской улице пытался затащить в машину какой-то кавказец, загипнотизированный пышными малороссийскими формами. То воришки срывали в метро сумку с мобильником и деньгами. То ее «разводили» на жалость нищие, которых она потом видела во вполне цивильных одеждах и даже однажды – в приличной машине. Рассказывая об этом, патриарх буквально кипел от негодования: нет, ну как можно быть такой растяпой! Не девочка ведь! Тетка здоровая! Серафима слушала жалобы Викентия не перебивая, зеленые глаза ее лучились вниманием и сочувствием, пухлые детские губы расплывались в обворожительной улыбке.

– Ну, Сим, у тебя и терпение! – удивлялся Стасик, безуспешно пытаясь увести возлюбленную. – Сколько можно мусолить эти занудные семейные истории? Помяни мое слово, скоро дед заставит тебя слушать с ним оперы и читать его скучнейшие статьи о кино.

– Не устаю удивляться, что ты нашла в нашем Стасике! – проворчал Викентий Модестович, когда тот, с досадой махнув рукой, уже собирался отправиться в свою комнату. – Мой внук – человек темный, я бы даже сказал – агрессивно невежественный, – продолжал патриарх. – Вот сейчас... Погоди, давай зададим ему самый простой вопрос. Стасик, кто написал оперу «Хованщина»?

– Чайковский, – невозмутимо буркнул Стасик. – Кто же еще?

– Мусоргский! – тихонько поправила Серафима, словно извиняясь за невежество возлюбленного.

– Молодец! – возликовал патриарх, бывший страстным меломаном, – я не ошибся в тебе, Серафима. Хочешь, как-нибудь в дождливый денек послушаем «Травиату» с Анной Нетребко?

– Эй, дед, не отбивай мою девушку! – шутливо толкнул Стасик в плечо Викентия Модестовича. – Хорош пудрить Симке мозги!

– Я же говорил, мой внук – не шибко умен, – обиделся патриарх. – Прости его, Серафима.

– Пусть немножко поревнует, не повредит, – усмехнулась девушка. И капризным жестом отбросила золотистые волосы со лба.

Летний день не обманул ожиданий и стал достойным продолжением роскошного утра. Прозрачный воздух уплотнился, солнце принялось нещадно припекать, но в саду дышалось по-прежнему легко. Могучие лиственница и ель надежно защищали своими раскидистыми лапами уютную полянку от солнечных лучей. Обитатели большого загородного дома наконец позавтракали, окончательно проснулись и с удовольствием занялись необременительными воскресными делами. Викентий Модестович и Серафима решили, что в беседке будет слишком жарко, и расположились в креслах под деревьями. Стасик вытащил на балкон ноутбук и нырнул в беспроводной Интернет. Гарик, его бесшабашный дядюшка, принялся мастерить очередную этажерку под DVD-диски. Он давно понял: успех у женщин легче всего достигается под романтическую музыку. Марианна и Валерия, немолодые подруги патриарха, жарко споря о политике, отправились на прогулку в ближайший лесок. Домработница Олеся к полудню вспомнила, что она на службе, и занялась обедом. Ее муж, сторож Василий, стал всерьез подумывать, не отправиться ли в поселковый магазинчик за очередным саперави местного разлива. Катерина принялась стричь заросшего Тимошу, устроившись на низенькой скамейке возле крыльца. А ее мать Люся вместе с подругой детства Ангелиной плюхнулись на деревянный топчан с полной миской только что собранной малины. Они вспоминали школьные годы, хохотали, как девочки, любовались цветами в саду и впервые за два дня никуда не спешили.

«Господи, сделай так, чтобы подольше не наступал понедельник! – мысленно попросила Лина. – Так редко удается притормозить в бесконечной гонке на выживание и от души побездельничать в кругу близких людей».

Идиллию нарушил резкий звонок Люсиного моби́льника.

– Гражданка Тараканова? Людмила Викентьевна? – спросили в трубке так бесцеремонно громко, что даже Лина расслышала неприятный голос с металлическими нотками. Обе женщины напряглись, догадались, что за официальным обращением «гражданка» ничего хорошего последовать не может.

– Я вас слушаю, – тихо сказала Люся.

В трубке были слышны треск помех и гул автотрассы.

– Что случилось? Вы кто? – закричала Люся.

– Дежурный инспектор ДПС Петренко, – наконец вновь заскрежетала трубка металлическим голосом. – Ваш супруг Денис Петрович Тараканов сегодня в 9.35 утра попал в автомобильную аварию.

Пальцы Люси, сжимавшие трубку, внезапно побелели, загорелое лицо стало неестественно белым.

– Он жив? – быстро спросила Люся и задела рукой миску, стоявшую на коленях. Малина красными каплями рассыпалась в траву.

– Не волнуйтесь. Вашему супругу повезло, – продолжал голос в трубке. И вдруг, оставив официальный тон, добавил уже с человеческими нотками: – Удивительно повезло. Ваш муж, гражданка Тараканова, проявил преступную оплошность. Он уснул за рулем. Но сегодня, к счастью, воскресенье, ранним утром трасса была пустой. В итоге автомобиль марки БМВ модели Х5 Тараканова Дениса Петровича съехал в кювет и там перевернулся набок. Сработала подушка безопасности. От удара гражданин Тараканов проснулся и смог самостоятельно

выбраться из автомобиля. Машина не взорвалась, однако восстановлению не подлежит. Гражданин Тараканов был направлен на медицинскую экспертизу. Алкоголь в его крови не обнаружен. Зато были найдены следы снотворного. Наверное, ваш супруг принял слишком большую дозу лекарства на ночь. В настоящее время Тараканов Денис Петрович находится в больнице недалеко от аэропорта Домодедово.

– Что-то серьезное? Говорите сразу! – потребовала Люся.

– Да не волнуйтесь вы так, Людмила Викентьевна! Могло быть гораздо хуже. Но обошлось: всего несколько ушибов, легкое сотрясение мозга и последствия нервного шока. Как говорится, ваш супруг легко отделался. Врачи оставили его в больнице на несколько дней. Пускай подлечится, отдохнет, придет в себя. Ну, в общем, я все сказал. Извините, больше говорить не могу. До свидания.

– Ну да, – пробормотала Ангелина, – конечно... Снотворное, как я сразу не догадалась! Он же столько работает! Даже в два часа ночи не спал, бумагами занимался. Понятно, принял лекарство, чтобы хоть ненадолго расслабиться и уснуть. Когда мы утром встретились, он и вправду был какой-то вялый, задумчивый. Наверное, снотворное подействовало. Индивидуальная реакция организма...

Люся почти не слушала подругу. Она стойко держалась, пока говорила с инспектором, а выключив мобильник, как-то разом осела, обмякла, словно из нее вытащили железный стержень, сползла с топчана на землю и громко, взхлеб, разрыдалась.

Идиллия летнего солнечного дня растворилась, словно ее и не было. Даже Викентий Модестович прекратил диктовать Серафиме бесконечные мемуары. Все кинулись к Люсе и принялись утешать ее. Даже Гарик востропел, побежал в дом и принес сестре рюмочку коньяку.

– На вот, выпей, – потребовал он, – а то отходняк не наступит.

– Боюсь, наступит гораздо раньше, чем все вы думаете, – пробормотала Люся, – ох, чую, в этом доме меня скоро доведут до могилы...

И все же несколько глотков крепкого напитка сделали свое дело: лицо женщины слегка порозовело, черты его, несколько секунд назад словно сведенные судорогой, смягчились, расслабились. Люся наконец осознала, что самое страшное позади. Она поправила растрепавшиеся пышные волосы, стряхнула хвоинки с юбки и встала, чтобы вновь приступить к командирским обязанностям. Так начальник штаба, пережив обстрел в блиндаже, встает, присыпанный землей и слегка контуженный грохотом боя. И тут же идет отдавать новые приказы личному составу.

Домочадцы, как солдаты, пережившие бомбежку, тоже ожили, задвигались, стали жарко обсуждать случившееся.

– Я всегда говорил, что работа без выходных до добра не доведет, – подал голос Люсин брат Гарик. Он ввинтил последний шуруп в доску, оторвался от работы и назидательно объявил: – Мы работаем, чтобы жить, друзья мои, а не живем, чтобы работать. А Денис – наоборот. Каждый из нас от души наслаждается летним днем, природой, общением и своим законным выходным. А для Дэна все выходные дни – рабочие. Между прочим, трудиться в воскресенье – грех. Вот Господь и предупредил свояка: мол, не примешь к сведению – никакие деньги не спасут.

– Ой, мамочки, да что же это делается? – по-украински пронзительно заголосила Олеся. Она прибежала на общий шум из кухни с полотенцем в руках и с удовольствием вступила в общий разговор: – Говорите, Денис Петрович таблеток наглотался? Да в жисть не поверю! Хоть режьте! Всегда такой дисциплинированный, такой осмотрительный... – Олеся выпучила глаза и продолжила шепотом: – Это кто-то его на трассе остановил, продал бутылку минералки и незаметно туда лекарство подсунул. Да, такое бывает, я в одном сериале видела, – обиженно продолжила Олеся, заметив, что ее никто не слушает.

– А я таким поворотом событий ничуть не удивлен, – подал голос Викентий Модестович. – Чего еще можно ожидать от злого курильщика?

– При чем тут это? – не поняла Ангелина.

– А при том! – запальчиво продолжал Викентий Модестович. – Сильный человек, друзья мои, обязан побороть тягу к легкому наркотику, коим является табак. Из-за этого опасного яда в организме происходят патологические изменения. Например, бессонница и кашель курильщика. Вот мой зять и не мог уже спать без снотворного. Теперь, надеюсь, возьмется за ум и бросит курить. Надо зажать волю в кулак – и неприятности тут же закончатся.

Все признали доводы Викентия Модестовича довольно убедительными и стали возвращаться к делам.

Да и сам патриарх вскоре потерял интерес к досадному, но мелкому (по сравнению с глобальными мировыми проблемами, которые занимали его в последнее время) происшествию, подозвал Серафиму, и они вновь уселись под деревьями работать над воспоминаниями.

Люся раз за разом набирала мобильный номер мужа, однако равнодушный голос повторял, что абонент недоступен. Она махнула рукой и бросилась в дом – собирать вещи в больницу. Лина принялась механически подбирать рассыпанную в траве малину. Она складывала ягоды в миску по одной, зачем-то считала их и все никак не могла успокоиться.

«Странно, – думала она, – Денис вроде бы, по словам Люси, никогда прежде не пользовался снотворным – раз. Обычно он встает очень рано и почти сразу садится за руль – это два. Как Люсин муж мог так глупо рисковать? А вот и третья ягодка».

И Лина минута за минутой, час за часом принялась вспоминать события минувшего дня, ночи и последовавшего за ней безмятежного утра...

«Зачем ему снотворное, если он прекрасно спит?» Ангелина вспомнила ночной разговор и поежилась. Где-то на краешке сознания появился стеклянный пузырек с лекарствами. Мелькнул и – снова исчез в памяти.

«Где-то я его видела... – мучительно вспоминала Лина. – Но где?»

Она продолжала вспоминать события последних суток. Многое теперь казалось странным. Вернее, очень странным.

Люся ехала в больницу и, когда мысленно, а когда и вслух, подгоняла брата: «Быстреей, еще быстреей! Ну, Гарик, ну же, миленький, ну, давай, да рискни же, наконец! Да обгони же того придурка! Ну и что, что фура впереди! Авось проскочим! Жми!»

Они тормознули у пятиэтажного унылого здания в центре районного городка с таким визгом тормозов, словно стартовали в автогонке. На скамеечке возле крыльца шло ежевечернее заседание «больничного клуба». Дамы в махровых халатах лузгали семечки и обсуждали палатные сплетни, а мужички в спортивных костюмах заговорщицки шептались, явно снаряжая гонца за «родимой».

Люся с огромными пакетами и кошелками еле выкатилась из машины. Олеся постаралась, собрала Денису столько еды, что ее хватит на полотделения. Как будто они приехали спасать не жертву аварии, а дистрофика, умирающего от истощения! Люся не шла, почти бежала по больничному коридору, обращая внимание только на цифры на дверях палат. Пакеты больно били по ногам, но она, наверное, не вздрогнула бы, даже если бы сейчас ее ударили бейсбольной битой. Гарик послушно трусил в отделение за сестрой, не решаясь сказать ни слова, даже не пытаясь отнять пакеты. Он знал, что в такие минуты Люсю трогать нельзя, и в душе надеялся, что визит в больницу будет недолгим. Типичный одинокий мужчина, когда-то состоявший в браке, вечный «жених», заиклившийся на собственном здоровье, спорте, постоянно меняющихся девушках и веселых компаниях, он по возможности старался избегать неприятных впечатлений. Быть молодым – непростой труд... Для плейбоя не существуют болезни, смерть и прочие грустные вещи. Чтобы нравиться молоденьким девушкам и менять их как перчатки,

надо быть бодрым и позитивным. Как телеведущий Дмитрий Дибров. У мачо нет возраста. Какого черта Люська притащила его в эту ужасную провинциальную больницу...

– Вот сюда, пожалуйста, – предложила пройти медсестра, – это палата Дениса Петровича. Наш, так сказать, местный люкс. Уж извините, ничего лучше у нас нет...

Медсестра распахнула дверь, и троица застыла на пороге. Аккуратно застеленная кровать была пуста.

Прошло уже часа четыре, а Люся все еще не вернулась. Лина вздрогнула. Над домом и садом внезапно грянула древняя горская мелодия. Словно вокруг были горы Кавказа, а не среднерусская равнина с полем и лесом. Это Викентий Модестович решил разрядить обстановку и поставил в мансарде любимый диск. Грузинские мужские хоры были его слабостью. Как все, что долетало к нему с «холмов Грузии». Викентий Модестович всегда слыл в богемных кругах грузинофилом.

«Пускай политики выясняют отношения, – словно говорил он своим увлечением, – а я как любил Грузию, так и останусь в этом вопросе однолюбом». И продолжал еще сильнее восхищаться всем, что обожал и прежде: грузинским вином, архитектурой древних тбилисских храмов, клеенками Пиросмани, старинными кинжалами с чеканными ножнами, тяжелыми украшениями грузинских женщин, острой грузинской кухней, огненной лезгинкой – да всего не перечислить! Он обожал Тамару Гвердцители и Софико Чиаурели, Паата Бурчуладзе и Нодара Думбадзе, Булата Окуджаву и Нину Ананиашвили – список грузинских кумиров получался внушительным. Ангелина подозревала, что порой Викентий Модестович представляет и себя самого в черкеске с газырями и с рогом в руке, восседающим на месте тамады на многочасовом грузинском пиру.

«Вот откуда его страсть к пышным тостам и цветистым речам, – догадалась она, – конечно, приятнее вообразить себя гордым грузинским князем, чем продюсером средней руки на пенсии. В Грузии ни одна женщина не посмела бы встречать в его тосты и перебивать во время застолья, как у нас. Впрочем, у Викентия, как у истинного князя, и сейчас целых две преданные спутницы жизни. М-да, гордый „джигит“ неплохо устроился и на наших северных равнинах!»

– Что ж, давайте достойно отметим счастливое завершение этой досадной истории, – торжественно объявил патриарх. Он словно ждал момента, чтобы продолжить вечное застолье. Похоже, пышные тосты помогали ему поставить мысленную жирную точку в конце каждой жизненной неурядицы или, напротив, счастливого случая. Викентий был человеком солнца, настоящим оптимистом. Терпеть не мог грустные темы и мрачные истории. Он поднялся из кресла и с достоинством возглавил шествие чад и домочадцев к столу. По дороге патриарх напряженно искал кого-то глазами. И не находил.

– Катерина! – наконец возвысил голос дед. – Где запропастилась эта ленивая девчонка? Срочно найдите ее, пусть тащит видеокамеру! У меня есть несколько слов.

Хмурая и заспанная после ночного «отжига» в клубе Катерина послушно выкатилась из своей комнаты с опостылевшей видеокамерой. Домочадцы и гости расселись по местам, давно закрепленным за ними под старой лиственницей, и дачное застолье покатилося своим чередом.

– Вчера я говорил про счастливый случай, – начал патриарх очередной кинематографический тост, профессионально поглядывая в объектив камеры, – а сегодня хочу продолжить ту же мысль. В жизни, увы, бывают не только счастливые, но и несчастные случаи. Как, например, сегодня в нашей семье. Так давайте же выпьем за то, чтобы все несчастные случаи, если, не дай бог, они еще выпадут нам, завершались счастливо.

Гости переглянулись и послушно выпили. А затем принялись молча хлебать украинский борщ, искусно приготовленный Олесей. Произносить тосты, да и просто оживленно болтать никому не хотелось. Викентий Модестович наконец с изумлением заметил, что совершенно не

владеет вниманием аудитории. Он поморщился, окинул взглядом накрытый стол и негромко проворчал:

– В этом доме когда-нибудь будут подавать соль и перец, я вас спрашиваю?

Марианна Лаврентьевна молча пододвинула солонку.

– Наконец-то, – буркнул Викентий Модестович, – терпеть не могу эту вашу пресную северную еду. Похоже, мне уже никогда не попробовать настоящие суп харчо и сациви. Так и помру на вашей скучной славянской диете: щи, борщи да каши...

– Не огорчайтесь, Викентий Модестович, – внезапно подала ангельский голос Серафима. – Завтра же сооружу вам что-нибудь грузинское. Мама очень любит кавказскую кухню, она и меня научила готовить сациви и хачапури. Говорят, вкусно получается. Я тоже обожаю лобио, аджику, кинзу, соус ткемали...

– Слава богу, – расцвел Викентий Модестович, – наконец нашлась в доме хоть одна толковая повариха.

Валерия и Марианна Лаврентьевна, да и Олеся, чей борщ только что подвергся жесткой критике, с неприязнью уставились на юную выскочку. А взгляд патриарха, наоборот, потеплел, словно Викентий Модестович чудом оказался под жарким солнцем Кавказа. Ангелина подумала: «Эта девочка умело управляется с капризами и тщеславием мужчин. Что ж, весьма неплохо для двадцати лет!»

Люся нашла в себе силы дойти до ординаторской, хотя ноги двигались с таким трудом, словно на них были кандалы.

– Где он? В морге? – прошептала она с порога бескровными губами.

– Да нет, наверное, в электричке, – ответил врач, не отрывая взгляда от кроссворда.

– В электричке? – удивилась Люся. – Да что вы говорите! Мой Денис Петрович даже не знает, где на станции билеты покупают, всегда меня в кассу отправляет. Он и в метро-то ездить не умеет, каждый раз на переходах не в ту сторону идет.

– Ну, все когда-нибудь бывает в первый раз, – философски усмехнулся эскулап. – Денис Петрович уехал полчаса назад, – признался он. – Куда? Сказал, что на работу. Отпустил его под расписку.

– Как вы могли! – закричала Люся.

– А что я мог поделать? – пожал врач плечами. Лекарь был в отутюженной темно-синей форме, в синей шапочке, надетой с каким-то особенным шиком, присущим только хирургам. Шапочка подчеркивала ярко-синий цвет его необычно красивых для мужчины глаз. – Как я мог с ним бороться? Я же хирург, а не психиатр. Разумные доводы на больного не действовали. Драться с ним? Вряд ли я справился бы с таким верзилой. Он угрожал, кричал, что срочно нужно на службу, что без него там все рухнет и пойдет прахом. Будут конец света и всемирный потоп в одном флаконе. Типичный для наших дней диагноз: хронический трудоголизм, осложненный неврозом топ-менеджера, – вздохнул врач и углубился в кроссворд, от которого его все-таки оторвали.

– Эта болезнь вам не грозит, – ехидно сказала Люся.

– Да не волнуйтесь вы так. – Эскулап не обиделся, наоборот, поднял голову от газеты и доброжелательно посмотрел на Люсю. Точнее, удостоил женщину профессионально внимательного взгляда («Не накапать ли ей валерьянки с корвалолом?» – казалось, говорил этот пристальный взгляд). – Серьезных повреждений у вашего мужа, слава богу, нет, а лучшее лекарство от шока сейчас для него – любимая работа. Разумеется, я посоветовал Денису Петровичу больше отдыхать и принимать успокоительное. Разумеется, в небольших дозах и пораньше с вечера. Разумеется, порекомендовал ему пока нанять водителя. Разумеется...

– Нет, ничего не разумеется, – перебила Люся эскулапа. – Он ссорся с машиной, как кентавр. Так что, думаю, завтра возьмет какую-нибудь тачку средней руки напрокат...

– М-да, сестренка, опять не довелось увидеть свояка, – проворчал Гарик, когда они поспешили к выходу. – А я так надеялся... Но, видно, не судьба. Уже и не помню, когда в последний раз с Дэном общался. Я-то, в отличие от него, веду дневной образ жизни. Представляешь, даже не помню точно – с усами Дэн сейчас или без... Боюсь, что во время нашей новой встречи я его вообще не узнаю.

– Ладно, хватит паясничать, – оборвала брата Люся, – на кой ляд тебе сдались его усы? Тебе же с ним не целоваться. Заводи машину, братец, здесь нам делать нечего. Скорее домой! Там небось весь «пионерлагерь» голодный сидит. Они же все деликатные, эти чертовы интеллигенты! Иногда это так напрягает! Ты же сам знаешь: сидят, друг на дружку поглядывают голодными глазами, а у Олеси даже чаю не спросят. Мне и поплакать в этом доме некогда: то один, то другой срочный вопрос приходится решать. Порой чувствую себя директором фирмы. Или, точнее, председателем колхоза... Ладно, Гарик, поехали. И не трепи мне нервы. Со своим мужем, окончательно сдвинувшимся на работе, я как-нибудь сама разберусь.

– Ну да, если не уснешь до его приезда, – усмехнулся Гарик. – По-моему, раньше полуночи Дэн никогда не возвращается.

– Уж лучше так, чем бесцельно слоняться по участку и вечно ныть, что денег нет, – ядовито заметила Люся.

Гарик вяло огрызнулся, со всего маху хлопнул дверью «Нивы», и беседа брата с сестрой перешла в обычное русло семейной дискуссии.

Жизнь в домике на горке пошла своим чередом. Лина, ожидая Люсю, принялась ожесточенно пропалывать клумбу. Надев перчатки, она усердно работала и вспоминала, в каком году в первый раз приехала сюда. Но так и не смогла вспомнить, это случилось так давно, в какой-то прошлой жизни, когда и она, и Лина, и Денис учились классе в пятом-шестом.

Нынешний дом был достойным итогом жизни Викентия Модестовича. Когда-то давным-давно Викентий преподавал в университете, затем, уже в девяностых, удачно вложился в компанию, разрабатывавшую новые технологии, потом занялся бизнесом... Сколотив в итоге неплохой капитал, Викентий Модестович круто сменил профессию: стал продюсировать рекламные ролики. Он всегда мечтал о кинематографе, и теперь был счастлив, что его детские мечты сбываются. Пускай немного поздно. Дела немолодого предпринимателя неожиданно пошли в гору – и в итоге вместо крошечной одноэтажной избушки с туалетом во дворе Викентий отгрохал на прежнем участке трехэтажный кремовый коттедж под красной крышей – с пристройками, застекленными верандами, баней, открытым бассейном и домиком для прислуги. Особняк получился похож на домик из сказки: аккуратный, с чугунной балконной решеткой и фонариком над входом. Деревенских соседей дом раздражал надменным европейским обликом, а солидных домовладельцев из соседних коттеджных поселков – ярко выраженной индивидуальностью. Дом не был похож ни на рубленые избы, ни на усадьбы позапрошлого века, ни на замки с башнями. Словом, ни на одно из тех безвкусных архитектурных сооружений, коими застроено нынче Подмосковье.

Впрочем, и сам Викентий отнесся к новостройке неоднозначно. Старый дом, пусть и неказистый, крошечный, без удобств, все-таки был теплым, обжитым, наполненным семейными историями. «Намоленным», как говорят о храме. Столько всего произошло там за двадцать лет – и хорошего, и печального! Да и построен тот домик был почти целиком собственными руками.

В восьмидесятых годах прошлого столетия Викентий наравне с рабочими заливал цемент в фундамент, случалось, таскал в портфеле со стройки кирпичи, добывал всеми правдами, а чаще неправдами дефицитные в то время строительные материалы. Проект тоже делал сам. Особенно гордился основательной лестницей из дуба, по которой можно было подняться на просторную лоджию, а еще красивой печкой, сложенной посреди комнаты и отделанной плиткой.

Тот «домик кума Тыквы» – с одной комнатой на первом этаже, печкой, лестницей и мансардой с лоджией – когда-то казался им всем верхом благополучия. Да и в деревне, где преобладали деревянные почерневшие развалюхи, на «дом москвича» все поглядывали с нескрываемой завистью. В то время обитатели домика жили как все. Люся сажала на шести сотках роскошные ирисы и пионы, ее дети, Стасик и Катюшка, плескались в крошечной речке возле дома. Сын профессора Гарик катал на мопеде девушек и таскал карасиков из маленького пруда. Словом, все были жизнерадостны, молоды и счастливы.

Прошло два десятилетия. Семья выросла из избушки на пригорке, как вырастают из старого, любимого, но безнадежно вышедшего из моды добротного пальто. То, что все домочадцы вдруг перестали помещаться на старой даче, было полбеды. Главное – дачный домик теперь не соответствовал новому статусу Викентия Модестовича. Он компрометировал успешного бизнесмена, словно неловкий деревенский родственник нового русского. Сюда стало неприлично привозить новых партнеров по бизнесу и старых успешных друзей. Что уж говорить о капризных и заносчивых богемных персонажах, с которыми Викентий Модестович работал в последние годы! Тогда-то Викентий и принял историческое решение: на старом месте надо возводить новую усадьбу, а точнее – большой дом со всеми удобствами, гаражом, домиком для прислуги и бассейном.

Стройку осилили за пару лет и зажили на старом месте по-новому. Но как отменить память? Ностальгия частенько сжимала сердце Викентия Модестовича. Ему временами казалось, что в старом домике было уютнее и веселее, чем в нынешнем. «Наверное, я сам тогда был моложе», – успокаивал себя патриарх, плеснув вечером в бокал грузинского вина и уютно устроившись под пледом у камина.

Дети Викентия, Люся и Гарик, тоже втайне жалели старый дом, однако старались не подавать виду. Зато внуки – Стасик и Катя – были счастливы, когда старая кирпичная избушка рассыпалась на груды кирпичей. Давно пора! «Мы наш, мы новый мир построим!» Молодежь всей душой полюбила новый «статусный» коттедж и стала охотно привозить сюда друзей и подружек. Молодых, в отличие от старшего поколения, даже забавляли самолеты, с грохотом пролетавшие над домом. Аэропорт Домодедово, расположенный неподалеку, в последние годы оживился и теперь принимал и отправлял лайнеры днем и ночью. Не то что в девяностых – тогда из-за нехватки керосина над старой дачкой пролетал за сутки один-единственный отчаянный лайнер. Зато теперь друзья Стасика развлекались, угадывая, что за борт набирает высоту, а барышни внимали им с восхищением. Сестра Стасика Катерина возила сюда пестрыми стайками подружек, словно бабочек. Правда, бабочки молчаливы, а девушки щебетали в Катиной «Фелиции», как весенние птички. Люся постоянно уговаривала себя не запоминать имена «бойфрендз и герлфрендз» своих отпрысков:

– Только познакомишься, привыкнешь, смиришься с пребыванием постороннего человека в доме – глядь, той девушки или того парня уже и след простыл, детки даже и не помнят, как их звали. А я давно их мысленно поженила и внуков понянчила, – делилась она материнскими переживаниями с Ангелиной за чашечкой кофе с коньяком.

Лина кивала и втайне жалела подругу. Весь дом на ней! Тут хоть десять домработниц заведи – все равно лишний раз не присядешь! А еще за личную жизнь детей переживай...

Однако, едва взглянув на новую девушку Стасика, все обитатели дома поняли: тут можно не беспокоиться, это совсем-совсем другое. Всерьез и надолго. Причем счастливый билет вытащил не только Стасик, но и они все. Дивный золотоволосый ангел по имени Серафима неожиданно осенил их своим нежным крылом. За что им – немолодым, ворчливым, замотанным жизнью – такая милость? Лина, как и все в тот миг, захотела, чтобы ангел не исчезал, позволил им хоть ненадолго побыть с ним, а вернее, с нею рядом. Лина с умилением думала: отныне приятный долг каждого из обитателей дома – радовать это хрупкое и нежное создание с удивительно мелодичным голосом. А еще лучше – приручить и поселить здесь навсегда, словно

чудесную золотую птицу, посланную самой судьбой. Может быть, эта девушка вернет в дом радость и еще что-то нематериальное, невесомое, невыразимое, навсегда утраченное за годы строительства новой комфортной буржуазной жизни.

А в беседке тем временем шло полным ходом очередное заседание «клуба пикейных жилетов». То бишь тех, кто любит в свободное время поболтать о политике, не очень-то в ней разбираясь. Утренний звонок и отъезд Люси взбудоражили дачников, и беседа вновь свернула на опасную политическую дорожку.

Тон в споре задавала «неистовая Марианна». Речь шла о вытеснении в центре города дешевых «народных» магазинов дорогими супермаркетами. Дама настаивала: без мэра тут явно не обошлось.

Марианна Лаврентьевна всю жизнь с кем-нибудь боролась: то с сантехником, то с участковым, то с врачом из местной поликлиники, то с владельцем магазинчика возле дома. Незаметно борьба стала образом жизни неумной дамы. Причем с каждым разом противника она выбирала все могущественнее, медленно, но верно продвигаясь вверх по запутанным коридорам власти. Победив местного дворника, плавно перешла к начальнику ДЕЗа, затем к главе управы. Затем познакомилась с милицейским начальством района, стала своим человеком в районном суде... Домочадцы Викентия с ужасом ждали, когда она доберется до городского головы... Но на хозяине управы она неожиданно тормознула. После одного из визитов бодрой старушки и ее длиннющих, однако весьма грамотно составленных жалоб глава управы сломался. Народный избранник понял: проще сделать Марианну Лаврентьевну своей сторонницей, чем с ней бороться. Не так давно пожилая дама получила корочки внештатного советника главы управы и теперь входила в коридоры власти уверенной и твердой походкой революционного комиссара.

С каждым днем вопросы, которые поднимала перед районным начальством хрупкая пенсионерка, становились острее. Нынешней весной она даже «урезала» здание, которое уже начали возводить напротив ее дома, на несколько этажей. И, вопреки мрачным прогнозам домочадцев Викентия Модестовича, жадные инвесторы ее не застрелили. Напротив, отступили и засели в укрытии. А глава управы пожал руку и вручил к празднику очередную грамоту и «продуктовый ветеранский заказ». Викентий Модестович, знакомый с опасным характером Марьяши с детства, был потрясен таким поворотом событий. Подобного административного успеха не ожидал никто. Все это как-то не вязалось с образом эксцентричной, неприспособленной к жизни пожилой дамы, который сложился в семье Викентия за долгие годы. Ничего себе, оказывается, дама не от мира сего приспособилась к новым капиталистическим условиям, да еще как! Лучше всех продвинутых домочадцев Викентия.

Вот и на этот раз дачники, сидевшие за столом, насторожились. Что теперь замыслила неистовая Марианна? Ну, допустим, поставить на место начальника ДЕЗа... Трудно, но реально. Хоть и власть, но не ахти какая. Но всесильный городской голова? Да еще голова в кепке! А чего она, собственно, добивается? Снести очередной небоскреб, выстроенный мэром? Разрушить мост имени градоначальника? Подорвать очередное масштабное творение Церетели?...

Марианна Лаврентьевна налила себе клубничного компота из кувшина и рассеянно улыбнулась. Ее волосы, выкрашенные хной, блеснули на солнце красноватым пламенем. Все вздохнули с облегчением: кажется, пронесло. Но дама аккуратно отрезала кусок пирога и сообщила:

– У нас в районе единственную дешевую булочную закрыли. Думаю, и здесь без мэра не обошлось.

– И правильно сделали, что закрыли, – подала голос Валерия, вечно сидевшая на изнуряющих диетах, – мучное – яд.

– Ну, знаете ли, так можно все позакрывать, кроме фастфуда и прочей синтетической гадости, которую навязывают нам из-за океана! – завопила Марианна Лаврентьевна, и мирная беседа за столом под старой лиственницей перешла в скандально-политическое русло.

Лина пропалывала клумбу и думала: «Уж лучше ежедневно, как я, в автобусе на службу трястись и в метро париться, чем, как Люся, изо дня в день тащить на себе большой дом, все это громадное хозяйство. Хоть и на свежем воздухе. (Правда, дождливой осенью этот свежий воздух не особенно-то радует.) А благодарности ни от кого не дождешься. Ну да, завистницы скажут: нашла кого жалеть – барыню! У нее даже прислуга, то бишь Олеса и Василий, есть. Так-то оно так, но помощниками руководить надо. Иногда проще самой горы свернуть, чем делать взрослым людям замечания и лишний раз трепать нервы».

У забора залаяли собаки, Лина, прервав невеселые размышления, поспешила к воротам. Наверное, это Люся вернулась. Что за новости она привезла?...

Однако на территорию дачи уже wpłyвал маленькими шажками пожилой солидный господин. Василий снял бейсболку и помахал ею в воздухе, шутливо приветствуя гостя, а собаки радостно завilyли хвостами.

– Привет, я Михаил Соломонович, – по-свойски представился гость Лине и проворчал: – Надеюсь, старый буржуй дома?

– Викентий Модестович? – на всякий случай уточнила Ангелина. И, не дождавшись ответа, кивнула.

Незнакомец был одет щеголевато. Лыняной костюм в тонкую полоску, соломенная шляпа, светлая сумка через плечо... Лина догадалась, что под шляпой скрывается солидная лысина, а сшитый по фигуре пиджак прикрывает изрядное брюшко. Однако недостатки фигуры в данный момент были искусно спрятаны, а достоинства удачно подчеркнуты. Пожалуй, этот господин понимал толк в красивых вещах. Все в его костюме – от платочка в нагрудном кармане до летних светлых штиблет и дорогого кожаного ремня – выдавало равнодушие к своему облику, а значит, и к слабому полу.

Мужчина нежно пожал руку Лины и, пропустив ее вперед, придержал ветку лиственницы, перекрывающую тропинку.

– Хотите, угадаю, чем сейчас занимается Викеша? – кокетливо предложил новый знакомый.

– Попробуйте, это нетрудно, – пожала плечами Лина.

– Наверняка читает вслух и бесконечно улучшает свои мемуары.

– Правильно, – подтвердила Лина, – остается угадать, кому читает и с кем улучшает.

– Ну, это яснее ясного: своей терпеливой и эффектной Валерии, – объявил Михаил Соломонович с торжеством пророка. – Мужчины всегда стараются блеснуть умом перед дамами, к которым питают нежные чувства.

– А вот и не угадали! – с легким злорадством сказала Лина. – Здесь теперь есть магнит поприятительней.

– Да что вы? – не поверил гость. – Кто же эта нимфа?

– Взгляните вон туда, на полянку под лиственницей, и сами увидите.

– Ну ты и ходок, Викеша! Старый греховодник! – не без зависти прошептал пришелец, пытаясь разглядеть издали прелестную фигурку и тонкие черты лица Серафимы. – Об заклад быюсь, и лицо ее, и даже тело можно поместить в «золотое сечение» старика Леонардо! Как там Пушкин писал: «Все в ней гармония, все диво...»

Девушка между тем почтительно внимала пожилому собеседнику, рассеянно улыбалась и порой отбрасывала золотистую прядь со лба. Рядом с ней лежал на столе мобильный телефон, с которым она не расставалась.

– А вдруг мама позвонит? – пояснила она вчера свою причуду Лине, поймав ее недоуменный взгляд. Но сейчас мобильник молчал, в отличие от Викентия Модестовича, который разливался голосистым соловьем.

– И когда этот старый хрыч Викеша все успевает? Я вот свои лекарства и то частенько забываю принять... Впрочем, для хорошенькой женщины у настоящего мужчины всегда найдется время, правда? – игриво взглянул гость на Лину. Та буркнула что-то не слишком вежливое и поспешила проводить жизнелюбивого старичка в летний «кабинет патриарха» под раскидистой лиственницей.

– О, кто к нам приехал! Мудрый сын Соломона! – объявил Викентий, с трудом скрывая раздражение из-за того, что пришлось прервать беседу с очаровательной помощницей. – Какими судьбами?

– Есть одно дельце, – загадочно объявил гость и, галантно раскланявшись с Серафимой, отвел Викентия Модестовича в сторону.

Ангелина хотела вернуться к своим грядкам, но внезапно передумала и плюхнулась в полосатый шезлонг. Она потянулась и блаженно, как кошка, зажмурилась на солнце.

«Ради этих райских минут безделья москвичи и заводят дачи, – подумала она. – Если даже не коттеджи или „настоящие“ дачи, хотя бы садовые домики. Полчаса отдыха в саду переवेशивают все пробки по пути на фазенду, часовую толкотню в электричках, бесконечные хлопоты на грядках и утренние бдения в деревянном туалете-скворечнике. Нет, все-таки одно из главных удовольствий на свете – воскресное июльское утро на даче! Встать пораньше, пройтись по узкой дорожке, петляющей в мокрой траве, сорвать запотевшую гроздь красной смородины, припасть лицом к влажной розе и сразу, чтобы не закружилась голова, глубоко, с наслаждением, вдохнуть прохладный воздух. А потом с удовольствием вспомнить, что еще целый долгий день впереди».

У Ангелины собственной дачи никогда не было, она навещала друзей и родственников на их фазендах. Близких семей было несколько, поэтому за лето Лина успевала побывать на их дачах раза по два, не уставая удивляться, как они все не похожи. У каждой дачи было свое неповторимое лицо. В маленьких домиках на шести сотках все говорило о прошлом хозяев. Туда, в фанерные избушки, свозили гжельскую бело-синюю посуду, от которой не стало житья в Москве, вышедший из моды хрусталь. На дощатых полках расставляли потрепанные книги – в городе читать некогда, а выбросить жалко, в дождливый денек авось пригодятся. Рядом со старым проигрывателем держали давно заезженные пластинки, которые никто никогда не слушал, довольствуясь радио «Ретро», оглашавшим округу голосами Ротару и Пугачевой. На террасах по ночам скрипели продавленные диваны, а выцветшие коврики прикрывали «гуляющие» из-за ненадежного грунта стены.

Но такая эклектика и пестрота допускались лишь в старых садовых домиках на шести сотках, доставшихся Лениным друзьям по наследству от небогатых родителей. Другое дело – в закрытых коттеджных поселках. Там весь этот милый сердцу хлам давным-давно выбросили на помойку. Весь облик элитных домов давал понять: старую тут не место. Здесь живут новые люди, которые и жизнь свою тоже устроили по-новому: просто, комфортно, современно. Как в модных телесериалах или в глянцевых журналах. Обитатели этих ВИП-резерваций из всех сил пытались забыть недавнее прошлое, когда были как все: ездили на работу в метро, бегали по вещевым рынкам, стояли в очередях, покупали пережаренные пирожки в палатке возле автобусной остановки, а посуду мыли в раковине руками. Теперь эти новые люди из всех сил старались одним махом перепрыгнуть в другую жизнь – без хрущевок, пыльных дворов со сломанными качелями и вонючих подъездов. Забыть, скорее стереть из памяти все, что было! В коттеджи покупалось все самое новое – даже лучшее, чем в городские квартиры. Ведь загородный дом – зримое свидетельство того, что жизнь удалась. За высокими заборами игрались свадьбы, рождались дети, им нанимали лучших нянек и гувернанток. Наконец, дети первого

поколения внезапно разбогатевших россиян выросли, наступило время идти в школу. И тут оказалось, что они совершенно не умеют общаться со сверстниками. Психологи даже придумали название новой генерации первоклассников – «коттеджные дети». Эти тепличные цветы не выдерживали даже легкого дуновения ветра реальной жизни. То, что за заборами усадеб идет совсем другое существование, что не у всех детей есть шоферы и гувернантки, оказалось для большинства «коттеджных» первоклассников довольно-таки неприятным сюрпризом.

Чего только Лина не повидала в элитных подмосковных поселках! Народившаяся буржуазия принялась чудить, чтобы прочнее утвердиться в новой жизни, и теперь расставляла свои метки – свидетельства финансового и жизненного успеха. Каминные залы, в которых можно гонять в футбол, бассейны, выложенные флорентийской мозаикой, белые рояли на верандах, зимние сады под стеклянными крышами, собачьи будки, являвшие собой миниатюрные копии особняков хозяев... И разумеется, новенькая дачная мебель, стены в светлых, пастельных тонах, посуда под цвет занавесок, изысканное шелковое или льняное постельное белье, картины в той же цветовой гамме, что и комнаты. Все тщательно разработано и продумано вместе с дизайнерами по интерьеру и ландшафту. Любая деталь обстановки намекает, нет, кричит об изысканном вкусе хозяев и их высоком положении в обществе.

«Глаз радуется, а душа скучает, – размышляла в таких домах Лина, сидя где-нибудь в уголке каминного зала. – Эти жилища без прошлого похожи на гомункулов, выращенных в ретортах, красивых и стильных, но до зевоты одинаковых».

К счастью, в доме Люси былое нахально вылезало из всех щелей, властно напоминало о себе, заполняло пустоты, если они появлялись, с быстротой звука. Воспоминания возвращали домочадцев в небогатое и суетливое, но такое радостное и надежное прошлое. На книжной полке рядом с дорогими фолиантами стояли детские книжки Люси и ее отпрысков, любимая поэма Стасика – «Василий Теркин», которую тот всегда перечитывал, когда заболел и лежал в постели с высокой температурой. В стеклянной витрине вместе с сувенирами из дальних стран пристроились ракушки, выловленные когда-то Катей в Черном море, крошечные машинки, которые Стасик собирал в детстве. А Викентий Модестович до сих пор спал на внушительном деревянном топчане, который Денис собственноручно сколотил еще в те годы, когда не нанимал «специально обученных людей»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.